Соколов Дмитрий Васильевич
магистр истории,
старший научный сотрудник РИЭПП.
info@riep.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОТ ПЛАНОВОЙ СИСТЕМЫ К ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ (1989–2009 гг.)[1]

В настоящей статье рассматриваются проблемы модернизации, которые пришлось решать странам Восточной Европы в конце 1980-х – начале 1990-х гг., после распада мировой системы социализма и последующего перехода к рыночной экономике. Особое внимание уделено вопросам реформирования в этих странах научно-технологической сферы и системы образования, направленного на повышение роли знаний практически во всех сферах жизни. Статья носит преимущественно обзорный характер и содержит сравнительный анализ модернизационных процессов в странах Восточной Европы.

Проблема модернизации в общественных науках

Проблемы модернизации обычно рассматривают применительно к сфере производства, чаще всего связывая их с периодами развития принципиально новых и более эффективных производственных технологий. Век пара сменился веком электричества, нынешнее время можно назвать веком информационных технологий. Однако довольно давно установлена связь развития производства с экономическими, политическими и правовыми отношениями, преобладающими в тех или иных странах в определенные периоды. Поэтому в общественных науках правомерно ставится вопрос о проблемах модернизации в сфере общественных отношений. В значительной степени этот интерес к модернизации как социально-политической и экономической проблеме усилился в связи с наблюдавшейся в последние десятилетия резкой сменой экономических и политических режимов в странах бывшего социалистического лагеря.

В своем наиболее общем виде модернизация применительно к обществу в целом определяется как процесс перехода к более прогрессивным экономическим и политическим режимам, что способствует дальнейшему прогрессу практически во всех областях жизни[2]. При ис-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Опыт модернизации научно-образовательного комплекса стран Восточной Европы» (проект №11-02-00332а).

[2] Имеется чрезвычайно широкий спектр исследований, посвященных проблемам модернизации, рассматриваемой в виде целостного процесса. В данной статье обсуждаются вопросы модернизации общественных отношений в странах Цен-

пользовании подобного определения возникает вопрос о критериях, по которым можно оценивать эффективность экономических и политических режимов[3].

В настоящее время модернизацию в таком ее целостном понимании можно рассматривать как процесс продвижения к общественному укладу, сочетающему в себе:

- открытую политическую систему, построенную на фундаменте гражданских и политических свобод,
- динамичную рыночную экономику,
- развитый научно-образовательный комплекс, способный воспринимать инновации и готовить квалифицированных специалистов в передовых областях научно-технической сферы.

При этом стоит особо отметить, что третий элемент в этой схеме (научно-образовательный комплекс) не может достаточно эффективно и стабильно развиваться в отсутствие первых двух составляющих модернизационного процесса – демократической политической системы и свободной рыночной экономики[4].

Таким образом, модернизацию можно рассматривать как движение от сложившейся ранее модели социальных, политических и экономических отношений к другой, более дифференцированной и эффективной. В литературе этот процесс принято называть просто *транзитом* (переходом к другому типу экономики, со всеми сопутствующими этому переходу проблемами). Как следствие, сам вопрос о модернизации приобретает три основных аспекта: социо-культурный, экономический и политический.

Наиболее ранние модернизационные переходы имели место в Западной Европе в XVII–XVIII вв.; позднее сходные процессы развернулись в Восточной Европе, а также в Северной Америке, колонизированной европейцами[5].

Проблема перехода традиционных обществ к более современным была заново поставлена процессами, разворачивающимися в странах Африки, Азии и Южной Америки – и в течение 1960-х гг. появляются

тральной и Восточной Европы. Несмотря на определенные возможности дальнейшего развития экономики этих стран (при наличии развитой индустриальной базы и других предпосылок развития), возникли достаточно серьезные причины для их перехода к моделям рыночной экономики. Проблемы, связанные с переходным периодом в подобных обществах, подробно рассматриваются в [1, 2].

[3] Более подробно о системных характеристиках процесса модернизации см. [3, 4].

[4] Хотя в истории известны примеры модернизации в рамках авторитарной политической системы (один из наиболее ярких – Советский Союз), тем не менее исторический опыт показывает, что на определенном этапе развития модернизационного процесса авторитаризм начинает проигрывать демократическим странам и дальнейшее развитие становится невозможным без ослабления политического контроля хотя бы над некоторыми сферами жизни общества (что оставляет открытым вопрос о масштабе и скорости подобных преобразований).

[5] Более подробно об этом периоде см. [5].

работы, посвященные политическим и экономическим аспектам модернизации[6].

В конце 1980-х и начале 1990-х гг., в связи с распадом мировой системы социализма, проблема модернизации вновь стала одной из наиболее востребованных в социальных науках. Однако теперь основной фокус исследований был сосредоточен на переходе социалистических стран к рыночной экономике. Модернизации этих государств в немалой степени способствовал потенциал, уже приобретенный в годы социализма, и главную роль в этой модернизации приобрели политический и экономический аспекты. Основное направление, в котором двигались страны Восточной Европы, можно определить как *движение от плановой экономики к обществу знаний* (экономическая составляющая) и *движение от авторитарного социализма к либеральной демократии* (политический компонент). Завершающим этапом этого периода стало их присоединение к наднациональной системе Европейского Союза.

В данной статье предлагается краткий сравнительный обзор модернизационных процессов, которые развивались в странах Восточной Европы в период с конца 1980-х по конец 2000-х годов вплоть до их присоединения к Европейскому Союзу; особое внимание уделено взаимному влиянию экономической и политической модернизации и модернизации в этих же странах научно-технического комплекса и сферы образования.

В число рассматриваемых в данной статье стран включены государства, входившие в социалистический лагерь, однако не являвшиеся частью Советского Союза – это Польша, Венгрия, Словакия, Чехия, Болгария и Румыния; также рассматривается опыт Словении – единственной страны из состава бывшей Югославии, ныне являющейся полноправным членом ЕС. Эстония, Латвия и Литва, входившие непосредственно в состав СССР, имеют заметно отличающийся исторический и транзитный опыт, анализ которого выходит за рамки данной работы.

Процесс транзита стран Восточной Европы может быть разделен на несколько взаимосвязанных этапов. На первом основная проблема восточноевропейских обществ заключалась в последовательном демонтаже социалистической системы и внедрении рыночной экономики, а также открытой, основанной на демократических принципах политической модели. На втором этапе (наиболее длительном) страны Восточной Европы стремились к достижению экономических, политических и социальных показателей развития, близких к тем, которые характерны для западноевропейских стран, что дало бы им возможность включиться в общий процесс европейской интеграции и в конечном итоге войти в состав Европейского Союза. Наконец, третий этап транзита включает в себя заключительные стадии переговорного процесса по вступлению в Европейский Союз, участие в работе его наднациональных органов, отвечающих за основные (в том числе образовательное и научно-техническое) направле-

---

[6] Среди этих работ можно выделить, например: [6, 7].

ния развития Европейского Союза, с последующим активным участием в реализации решений этих органов. Более подробно специфика каждого из трех периодов рассматривается в следующих разделах статьи.

Этап первый: распад социалистической системы

Ключевой предпосылкой распада социалистического лагеря в Восточной Европе стали изменения во внешней политике Советского Союза, связанные с отказом от прямой конфронтации с капиталистическими странами. С начала 1987 г. советская внешнеполитическая доктрина стала основываться на принципах невмешательства в дела стран-союзников по Организации Варшавского Договора, что подразумевало в том числе отказ от применения силы для сохранения единства социалистического блока[7]. После этого в странах Восточной Европы начинается движение к демократическим реформам. Этот процесс достиг своей кульминации осенью 1989 г., когда в Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Польше коммунистические правительства потеряли реальную власть, а в декабре того же года пал коммунистический режим в Румынии.

Перед новыми лидерами стран Восточной Европы возникла проблема проведения широкого спектра реформ в политической и экономической сферах. Но если наиболее важные политические преобразования были проведены во всех восточноевропейских странах в довольно короткие сроки, то для поиска эффективных решений экономических проблем потребовалось значительно больше времени, и способы реализации реформ заметно отличались от страны к стране, несмотря на наличие общего наследия в виде социалистической экономики.

Наиболее радикальным по своей форме был переход к рыночной системе в *Польше*, которая выделялась среди прочих стран Восточной Европы более ранним началом политической либерализации: еще в июне 1989 г. оппозиционная партия «Солидарность» получила места в Сейме, а в сентябре было сформировано первое некоммунистическое правительство. Его главой стал Т. Мазовецкий, а вице-премьером (и министром финансов) стал Л. Бальцерович – именно он смог организовать проведение комплексных экономических реформ, обеспечивших Польше быстрый переход к рыночной модели экономики. Предложенная им программа масштабных реформ была позднее названа «планом Бальцеровича» и заключалась в форсированном демонтаже механизмов социалистической экономики и радикальных рыночных преобразованиях в основных областях экономической политики, невзирая на потенциально весьма серьезные социальные и политические негативные последствия.

Основные меры, предложенные в «плане Бальцеровича», можно обозначить следующим образом: немедленная либерализация цен, открытие

---

[7] Эта доктрина (которую нередко называли «новым мышлением») была изложена в книге М. С. Горбачева «Новое политическое мышление для нашей страны и всего мира»», впервые вышедшей в 1987 г. См. [8].

доступа частному сектору практически во все отрасли экономики, введение жестких бюджетных ограничений на государственных предприятиях, обеспечение реальной конвертируемости национальной валюты с сопутствующей либерализацией внешней торговли [2, кн. 2, с. 365–367]. Реализация этого комплекса реформ началась с января 1990 г., и, несмотря на свою эффективность с экономической точки зрения, вызвала сильное общественное недовольство (действия правительства привели к падению реальных доходов населения, большая часть которого оказалась неподготовленной к реалиям рыночной системы) [2, кн. 2, с. 370]. Тем не менее, к декабрю 1991 г., когда Бальцерович вынужден был сложить с себя полномочия министра финансов и вице-премьера, можно было говорить о том, что наиболее сложный период реформ в Польше уже был близок к завершению. Удалось остановить гиперинфляцию, ликвидировать бюджетный дефицит и обеспечить относительно стабильный режим работы предприятий. Однако масштабной демонополизации (равно как и приватизации) не состоялось. Не было проведено глубоких реформ и в налоговой сфере, что вело к заметным диспропорциям между реальным местом частного сектора в экономике и его налоговыми отчислениями[8]. Серьезные меры по решению этих проблем были предприняты лишь в середине 1990-х гг.

В *Венгрии* переход от административно-командной системы к рыночной экономике был заметно более плавным и в целом отличался меньшей социальной напряженностью. Одной из главных причин подобного развития событий было то обстоятельство, что еще в начале 1980-х гг. венгерское правительство столкнулось с целым рядом экономических проблем, для разрешения которых было решено в большинстве секторов экономики ввести в механизм плановой системы некоторые элементы рынка (была разрешена работа частных предприятий – чаще всего в форме кооперативов). Ко второй половине 1980-х гг. спектр экономических преобразований расширился и включил в себя реформы в области налоговой политики, внешнеэкономической деятельности и кредитно-денежной системы. При этом подавляющее большинство этих преобразований до 1988–1989 гг. интерпретировалось в официальной идеологии как реформы в рамках социалистической экономики, призванные повысить ее эффективность. Лишь в конце 1980-х гг., когда на повестке дня отчетливо возникли вопросы не только экономических, но и политических реформ, произошел резкий отказ от социалистической терминологии.

В начале 1988 г. в Венгрии были приняты законы, разрешающие свободное создание профсоюзов, свободу ассоциаций, собраний и печати, новый закон о выборах. Был также осуществлен радикальный пересмотр конституции. В октябре 1989 г. были приняты законы, предусматривающие проведение парламентских и президентских выборов на более ли-

[8] Так, например, хотя доля частных предприятий в промышленном секторе за период 1988–1991 гг. выросла с 10 до 20 %, его доля в налоге на прибыль составляла всего лишь около 3 % [2, кн. 2, с. 377].

беральной основе. По итогам парламентских выборов, состоявшихся в мае 1990 г., было сформировано некоммунистическое правительство, которое возглавил Й. Анталл. Тем не менее, несмотря на появление реальной возможности проведения масштабных социально-экономических реформ, никаких последовательных шагов в этом направлении не предпринималось. Пакет радикальных мер по экономической стабилизации, который предложил новый министр финансов Ф. Рабар, был отклонен, а сам министр вскоре был отправлен в отставку. Правительство, в котором не было консолидированной позиции по вопросам дальнейших преобразований, было вынуждено не только искать компромисс между различными программами реформ, но и учитывать возможные социальные издержки радикальных преобразований, к которым венгерское общество было не готово: население было готово воспринимать только такие реформы, за которыми последует постепенный переход к более высоким стандартам жизни и было настроено резко против жестких решений, проводимых властью любой ценой [2, кн. 2, с. 137–140]. Только в 1991 г., после назначения нового министра финансов М. Купы, была принята предложенная им программа реформ, которая фиксировала конкретные сроки достижения макроэкономической стабилизации. Однако, несмотря на все усилия Купы, к моменту его отставки в феврале 1993 г. можно было говорить лишь о некоторых успехах: в 1992 г. была достигнута частичная конвертируемость национальной валюты, экономический спад, прекращение которого было обещано в 1993 г., сменился некоторым ростом лишь в следующем, 1994 году. Началась приватизация, но она шла очень низкими темпами [9, с. 429–433]. Таким образом, в полной мере завершить начальный этап перехода к рыночной системе удалось только ко второй половине 1990-х гг., уже с новым правительством.

Заметно более последовательным был процесс экономических и политических преобразований в *Чехословакии* – несмотря на то, что развитие реформ в итоге привело к исчезновению чехословацкого государства и оформлению двух отдельных стран, Чехии и Словакии, которые, тем не менее, довольно быстро достигли успеха в построении рыночной экономики. Хотя в Чехословакии, в отличие от Венгрии, никаких скрытых рыночных элементов введено не было, политическая обстановка, сложившаяся в конце 1980-х гг., благоприятствовала проведению последовательной, консолидированной линии, направленной на ликвидацию социалистической системы и переходу к новым формам экономики и политики. В декабре 1989 г. в Чехословакии было сформировано правительство национального согласия, в котором были широко представлены не только коммунисты, но и оппозиция. Затем обновленный парламент избрал президентом страны В. Гавела, а через полгода, в июне 1990 г., были проведены парламентские выборы. Приблизительно в этот же период в Чехословакии произошло обострение политической обстановки, заслонившее на некоторое время экономические вопросы: сначала был резко поставлен вопрос о необходимости радикального реформирования федеративной системы, а затем – о разделении единого государства [10, с. 647–665]. Поначалу было принято решение с весны 1990 г. на-

зывать страну «Чешская и Словацкая Федеративная Республика», но подобное чисто формальное решение не устранило проблем, связанных с сосуществованием двух народов в едином государстве. После того как в 1992 г. чешским премьер-министром был избран В. Клаус, а в Словакии избрали В. Мечьяра, демонтаж федеративной системы был признан необходимым с обеих сторон. 1 января 1993 г. было официально провозглашено разделение Чехословакии на два независимых государства – Чешскую республику и Словакию.

Одной из главных причин такого национального обособления была экономическая неоднородность чешского и словацкого компонентов федерации. Чехия была заметно более развита в экономическом отношении, введение рыночной системы должно было привести к повышению темпов роста чешской экономики, тогда как Словакия представляла собой индустриально менее развитый регион, в котором радикальные рыночные преобразования могли вызвать стремительный рост безработицы и общее падение уровня жизни.

Чешский транзит осуществлялся на основе плана широкомасштабных преобразований. Соответствующая комплексная программа, принятая тогда еще чехословацким парламентом в сентябре 1990 г., включала два ключевых элемента рыночных реформ: приватизацию и развитие мелкого и среднего бизнеса. С января 1991 г. началась либерализация цен, сопровождавшаяся компенсационными доплатами к заработной плате населения. С этого же периода было введено временное регулирование цен на некоторые наиболее важные товары. Кроме того, началось широкое привлечение иностранных инвестиций в экономику, что способствовало поддержанию экономического роста. Что касается приватизации, то основной ее этап охватил период с 1990 по 1993 гг., и главной его особенностью стало введение принципа реституции: государственную собственность с помощью специальных законодательных актов стремились в первую очередь возвращать прежним владельцам или же их законным наследникам.

В результате последовательного выполнения плана экономических реформ чешское правительство смогло совместить экономическую эффективность и социальную стабильность. Уровень безработицы в начале 1990-х гг. оставался относительно низким, не произошло резкой поляризации доходов населения или падения уровня жизни. Несмотря на первоначально низкие темпы роста, к середине 1990-х гг. основные экономические показатели нормализовались [2, кн. 2, с. 504–505].

Словацкий опыт транзита оказался иным, в большей степени ориентированным на относительно медленный, без череды радикальных реформ, переход к рыночной экономике. Во многом эта медлительность была вызвана политическими кризисами начала 1990-х гг., острой конкуренцией за пост премьер-министра на фоне бесконечной полемики относительно дальнейшего развития реформ, а также самого существования федерации. И даже после раздела Чехословакии единого плана реформ в Словакии выработать не удалось: в ходе весенних парламентских выборов в 1992 г. сторонники Мечьяра потеряли большинство, и он

не смог реализовать какие-либо масштабные проекты по реформированию экономики. В целом, период наибольшего трансформационного спада пришелся на 1990–1993 гг[9]. Затем, с 1994 г., начался медленный, но заметный рост, сопровождавшийся стабилизацией политической обстановки. Главным компонентом словацких реформ была, наряду с приватизацией, конверсия военной промышленности: переход к рыночной экономике и переориентация внешней торговли со стран СЭВ на западноевропейские рынки вызвали необходимость в создании новых секторов экономики. Эти преобразования продолжались вплоть до конца 1990-х и начала 2000-х гг., хотя основа их была заложена еще до 1993 гг.

В *Болгарии* транзит вылился в более длительный и тяжелый процесс по сравнению с тем, что наблюдалось в большинстве восточноевропейских стран. Его главная особенность заключалась в низких темпах роста экономики и уровня жизни: эта ситуация сохранялась в Болгарии вплоть до середины 2000-х гг. Вместе с тем, политическая составляющая болгарского транзита также выглядит не слишком типичной для стран Восточной Европы, хотя и имеет некоторые сходные черты. В декабре 1989 г. коммунисты заявили о своем отказе от монополии на власть, а в январе 1990 г. болгарский парламент закрепил этот отказ юридически. В июне 1990 г. прошли свободные парламентские выборы, на которых (исключительный случай в Восточной Европе) победу одержали умеренные коммунисты. В следующем месяце состоялись выборы президента, которые выиграл Ж. Желев, сохранивший свой пост в течение двух сроков – до середины 1990-х гг. Противостояние в парламенте умеренных коммунистов и антикоммунистических партий затормозило ход реформ и первые серьезные преобразования были начаты лишь в 1992 г., одновременно с началом широкой приватизации.

Основным элементом реформ, осуществленных в период 1992–1994 гг., была приватизация земли и промышленности, осуществлявшаяся путем выдачи всем гражданам акций государственных предприятий, но при этом неконкурентоспособность многих отраслей экономики вызвала массовый рост безработицы [12]. Сильная зависимость Болгарии от стран СЭВ и, в особенности от Советского Союза, на который приходилась большая часть внешней торговли, а также санкции, введенные ООН в 1992 г. против Сербии (еще одного близкого внешнеторгового партнера) в связи с балканской войной, привели к тому, что экономика лишилась резервов развития, и в течение всей первой половины

[9] Так, в 1992 г. величина валового внутреннего продукта (ВВП) Словакии сократилась на 30 %, а к 1993 г. уровень безработицы превысил 14 %. И хотя с того же кризисного 1993 г. начался рост словацкого ВВП, он далеко не сразу привел к заметному повышению уровня жизни населения. Чтобы избежать роста социальной напряженности и получить поддержку избирателей, словацкие реформаторы были вынуждены искать баланс между развитием преобразований и сохранением мер социальной защиты населения. Детальная статистика по словацкой экономике приведена в [11, 23].

1990-х гг. реформы привели бы к резкой поляризации доходов и росту недовольства среди населения[10]. Незначительный рост ВВП наметился лишь в 1994 г., а полномасштабное развертывание рыночных реформ началось еще позже, во второй половине 1990-х гг., и сопровождалось крайне неустойчивым положением экономики: в ходе парламентской борьбы между сторонниками и противниками быстрого перехода к рыночной экономике консенсуса достичь не удалось.

Еще более тяжелым оказался процесс транзита в *Румынии*, где падение авторитарного режима сопровождалось ожесточенными столкновениями населения и лояльных коммунистическому правительству сил. После того как в декабре 1989 г. президент Н. Чаушеску был отстранен от власти и затем казнен, в стране был сформирован Фронт национального спасения (ФНС) – коалиционное правительство, составленное из бывших коммунистов, оппозиционеров и военных лидеров. Пост президента занял И. Илиеску, премьер-министром стал П. Роман. В мае 1990 г. состоялись президентские и парламентские выборы: первые выиграл Илиеску (с колоссальным отрывом от остальных кандидатов), на вторых победу одержал ФНС, который незадолго до выборов преобразовался в политическую партию. По итогам голосования он занял более 2/3 мест в парламенте[11]. В декабре 1991 г. была принята новая конституция, после чего в сентябре 1992 г. состоялись новые президентские выборы. Илиеску, одержавший на них победу, сформировал правительство, возглавляемое премьер-министром Н. Вакариу, который предпринял первые заметные шаги по реконструкции экономики.

Главным компонентом реформ была приватизация, носившая довольно специфический характер. 30 % долей в государственных предприятиях были выведены в частный сектор путем передачи их под контроль 5 частных фондов, акции которых мог приобрести любой совершеннолетний житель страны. 70 % долей переводились в государственный фонд, который мог продавать эти доли – но не менее 10 % в год. Таким образом правительство пыталось обеспечить постепенный перевод экономики на рыночные рельсы, избегая каких-либо радикальных перераспределений собственности и сохраняя за государством значительный управленческий потенциал [14]. Кроме того, законы о приватизации позволяли передать в частный сектор 30 специально отобранных предприятий, а также продать отдельные коммерчески рентабельные подразделения в других предприятиях. Однако в начале 1990-х гг. произошло резкое падение уровня жизни, связанное не столько с радикальными ры-

---

[10] Падение уровня жизни было не только резким, но и весьма продолжительным: Болгария смогла достичь показателей 1989 г. лишь к 2004 г., незадолго до своего присоединения к ЕС. Основные данные по болгарской экономической статистике см. в [13, с. 79–85, 91].

[11] Илиеску получил около 90 % голосов, а в 1992 г., после конституционного референдума, был избран на второй срок, при поддержке более чем 60 % голосовавших.

ночными реформами, сколько с неэффективной экономической политикой последних лет коммунистической власти. Эти проблемы оставались центральными для Румынии на всем протяжении 1990-х гг.: устойчивый, хотя и медленный, рост ВВП начался лишь в 1999 г., а самым низким этот показатель был в 1992 г. – в разгар политических преобразований. Таким образом, основные рыночные реформы в Румынии охватили весьма длительный период, вплоть до конца 1990-х – начала 2000-х гг. [15, с. 155–171].

На транзит *Словении* значительное влияние оказало ее исключительное положение как страны, входившей ранее в состав Югославии. Начало ее переходного периода проходило в весьма неблагоприятных условиях: к политической нестабильности, последовавшей за распадом социалистической Югославии, добавился еще и военный конфликт. Тем не менее, воздействие этих факторов на развитие словенских реформ оказалось значительно менее сильным, чем можно было бы ожидать. В апреле 1990 г. в стране прошли первые свободные выборы в парламент, на которых победило оппозиционное движение «ДЕМОС» («Демократическая оппозиция Словении»), представляющее собой коалицию из нескольких партий. Хотя первоначально вопрос о выходе из состава Югославии в политических кругах Словении оставался открытым, дезинтеграционная динамика в остальных республиках федерации сделала невозможным сохранение Югославии даже в конфедеративной форме. В июне 1991 г. независимость Словении была провозглашена официально. Сразу вслед за этим на территорию Словении вошли войска Югославской Народной Армии, однако после кратковременного военного конфликта было подписано мирное соглашение, в соответствии с которым Словения откладывала вступление в силу декларации независимости на 3 месяца, а югославская армия должна была быть выведена с территории Словении. В декабре 1991 г. была принята новая конституция, а затем последовали президентские выборы, на которых победил М. Кучан, остававшийся у власти до 2002 г. До этого же времени в партийной жизни сохранялось доминирование коалиции из либерально-демократической партии и христианских демократов [16, с. 331].

Война привела к тяжелым последствиям для словенской экономики и всей социальной сферы: за период 1991–1992 гг. уровень ВВП снизился на 15 %, а инфляция в первый год независимости составила 247 %; кризис усугублялся постоянными конфликтами в соседних странах – наследниках югославской федерации, что лишило Словению традиционного рынка сбыта. Только к 1993 г. наметились первые признаки экономического восстановления. В этот же период были предприняты первые последовательные шаги по формированию рыночной экономики. Приватизация началась в 1994 г., причем словенское правительство к этому времени имело возможность изучить опыт других стран Восточной Европы, чтобы не повторить их наиболее типичных ошибок. Был образован специальный институт – Агентство по приватизации – который должен был помочь в регулировании процесса реформ. Агентство предлагало предприятиям выбор из нескольких вариантов приватизационных схем,

из которых наиболее предпочтительным оказалась продажа компании рабочим и менеджерам. В то же время некоторые сегменты экономики были сохранены от немедленного перевода в частный сектор: это относилось к телекоммуникационной отрасли и социальной сфере. После того как в 1992–1994 гг. началась переориентация словенской экономики на рынки стран Европейского Союза, начался период постепенного и устойчивого роста, сопровождаемый подъемом уровня жизни населения [17].

В целом первый этап перехода стран Восточной Европы от плановой системы к рыночной модели экономики и от авторитарной политической системы к демократической политике носил в себе и общие черты и в то же время имел заметную специфику. Разумеется, сильно сказалось то, что восточноевропейские страны были изначально весьма неоднородны в социально-экономическом отношении: при их общей принадлежности к социалистическому лагерю сильно различался их уровень индустриального развития (в Чехии и Венгрии он был явно выше), различался уровень внешней торговли с несоциалистическими странами, в ряде стран сохранялось присутствие частного сектора.

Вместе с тем, осуществление рыночных преобразований в этих странах в период 1989–1991 гг. носило и общие черты, главной из которых было превалирование в транзите политического компонента, связанного с необходимостью ломки авторитарных режимов и тех институтов, на которые они опирались.

В отношении этой фазы транзита можно выделить две группы государств. К одной из них относятся Болгария, Румыния и Словения, в которых переход к демократической политической системе был наиболее драматичным. В Румынии и Словении он даже был связан с немалым числом жертв среди мирного населения. В Болгарии и Румынии транзит шел заметно медленнее, чем в соседних восточноевропейских странах: основные экономические реформы были проведены только в середине и даже в конце 1990-х гг..

Во вторую группу государств попадают Польша, Чехия, Словакия и Венгрия – в этих странах транзит обошелся без каких-либо военных конфликтов или массовых жертв, фаза демонтажа социалистической системы была завершена не позднее 1992–1993 гг., и ключевые экономические реформы были также проведены в этот период.

Этап второй: развитие модернизационного процесса

После демонтажа социалистической системы перед странами Восточной Европы встала проблема дальнейшего развития модернизационного процесса, направленного на создание рыночной экономики и демократической политической системы. Если в период конца 1980-х и начала 1990-х гг. для восточноевропейских стран наиболее острые текущие проблемы были связаны с разработкой конкретных программ и способов проведения реформ, а также избавлением от наследия социа-

листических режимов, то к середине 1990-х гг. политический контекст заметно изменился. Приблизительно с 1993–1995 гг. можно говорить о завершении первого этапа транзита в Восточной Европе: социалистическая модель во всех рассматриваемых странах была более или менее последовательно демонтирована[12]. Наиболее важной предпосылкой для второго этапа перехода к развитой рыночной системе и демократической политике стало соседство Европейского Союза, который в этот период стал все более активно проявлять себя в качестве ключевого внешнеполитического фактора, заинтересованного в последовательной и эффективной модернизации восточноевропейских стран и их последующего вовлечение в процессы общеевропейской интеграции. Основополагающим проявлением этого процесса стали принятые в июне 1993 года на заседании Европейского совета в Копенгагене так называемые Копенгагенские критерии, которые были затем подтверждены в декабре 1995 г. на мадридском заседании Европейского совета.

Предложенные критерии подразделяются на три больших раздела: политические, экономические и законодательные [18]. Первый раздел требует наличия в стране демократии, соблюдения прав человека и прав меньшинств, а также верховенства закона. Второй раздел содержит требование о наличии в стране-кандидате функционирующей рыночной экономики, которая была бы способной выдержать конкурентное давление в общеевропейской системе. Третий раздел ориентирован на более долгосрочную перспективу и требует постепенного встраивания в национальное законодательство свода ключевых норм права ЕС, которые часто обозначаются как «*Acquis Communautaire*» – этот термин включает в себя более 30 типов соглашений по различным вопросам (таким как свободное перемещение услуг и товаров, вопросы налогообложения, культурная политика).

В контексте исследования модернизационных процессов в Восточной Европе особо важным представляется подробное рассмотрение политических и, в еще большей степени, экономических аспектов присоединения к ЕС; стоит также остановиться на взаимосвязи политических и экономических факторов в рассматриваемых странах Восточной Европы.

Именно в этот период в странах Европейского Союза выдвигается ряд инициатив, направленных на реформирование в общеевропейском масштабе научно-технической сферы и сферы образования. Основной целью становится построение «экономики знаний», принимается группа мер по привлечению инвестиций в сферу исследований и разработок, особенно из частного сектора, создается целый ряд общеевропейских структур, содействующих развитию инновационных процессов. После присоединения восточноевропейских стран к Европейскому Союзу

[12] К Болгарии и Румынии этот тезис применим в меньшей степени, однако и в этих странах быстро исчезли какие-либо серьезные перспективы реставрации авторитарной модели социализма, несмотря на все их затруднения с проведением экономических реформ.

(а иногда даже раньше) они тут же охватываются этими же интеграционными процессами[13].

Для стран Восточной Европы интеграция в Европейский Союз началась с признания требований, содержащихся в Копенгагенских критериях, и подписания с Европейским Союзом ассоциационных соглашений, предшествующих официальному приему Европейским Союзом заявок на членство в ЕС. Эти соглашения предусматривают развитие между будущей страной-кандидатом и Европейским Союзом политических, торговых и других связей и совместные действия в рамках ряда специализированных программ, призванных помочь будущей стране-кандидату достичь необходимых для присоединения показателей. После того, как страна достигает требуемого уровня соответствия Копенгагенским критериям, от нее принимается заявка на присоединение к ЕС, страна признается страной-кандидатом, и начинается переговорный процесс. В конечном итоге согласие на присоединение должны дать все страны, являющиеся на тот момент членами Евросоюза. Рассматриваемые восточноевропейские страны приобрели статус стран-кандидатов в течение 1994–1996 гг[14].

Следует отметить, что программы помощи в проведении экономических реформ страны Европейского Экономического Сообщества (будущие члены Евросоюза) стали предоставлять восточноевропейским странам намного раньше. В частности, еще в 1989 г. была начата реализация программы PHARE (*Poland & Hungary: Assistance for Reconstructuring their Economies*), которая первоначально была направлена на помощь в проведении экономических реформ Польше и Венгрии; позднее список стран, участвующих в такого рода программах, был расширен и охватил три прибалтийские государства, а также Чехию, Словакию, Словению, Болгарию и Румынию. Целью программы PHARE является развитие общественно значимых институтов, обеспечение конвергенции стран-кандидатов с юридической базой ЕС и реализация мер по экономическому и социальному выравниванию[15].

Еще одним институтом, призванным помочь странам из Восточной Европы в присоединении к ЕС, стала программа SAPARD (*Special Accession Programme for Agriculture & Rural Development*), целью кото-

[13] Исследование некоторых общесистемных проблем перехода к новой экономической модели в области науки и образования для европейских стран переходного периода см. в [19, с. 159–172]. Общий обзор процессов интеграции стран Восточной Европы и ЕС представлен в [20].

[14] Раньше всех (в марте и апреле 1994 г.) заявки на членство в ЕС были приняты от Венгрии и Польши – страны, наиболее успешно осуществившие рыночные реформы. В июне 1995 г. была приняты заявки от Румынии и Словакии, а в декабре того же года – от Болгарии; наконец, в январе 1996 г. была принята заявка от Чехии, а в июне – от Словении.

[15] Под «выравниванием» понимается прежде всего стабилизация экономического развития и поддержание развитой системы социального обеспечения в странах-кандидатах.

рой была помощь в модернизации аграрного сектора экономики, а также в развитии экономически депрессивных районов страны. Решение о развертывании этой программы было принято в 1999 г., когда практически все рассматриваемые страны Восточной Европы находились на стадии подготовки к присоединению и преодолели свои наиболее серьезные экономические проблемы.

В тот же период была принята третья программа, созданная для помощи странам Восточной Европы в развитии модернизационного процесса – ISPA (*Instrument for Structural Policies for Pre-Accession*), задача которой заключалась в обновлении инфраструктуры стран-кандидатов; основным направлением деятельности программы было финансирование проектов по развитию природоохранной системы и транспортной сети.

Реформы в области образования были выделены в отдельный приоритет как для ЕС, так и для стран-кандидатов. С 1999 г. на территории Европы был развернут широко известный Болонский процесс[16], в ряде стран осуществлялись отдельные региональные и национальные целевые программы

Строго говоря, первые шаги к оформлению единой системы высшего образования в Европе были сделаны еще в 1950-е гг. (в виде ряда европейский конвенций Совета Европы и ЮНЕСКО об эквивалентности правил приема в университеты и периодов университетского образования, а также о признании университетских квалификаций). Однако в 1990-е гг., когда процессы европейской интеграции в различных областях достигли значительно более высокого уровня, неизбежно наступил момент для принятия серьезных мер по европейской интеграции в области науки и образования. При этом, однако, и в том, и в другом случае процессы интеграции были распространены в том числе на европейские страны, не входящие в Европейский Союз, и даже на частично европейские страны, имеющие территории вне географических границ Европы. Исследователи из этих стран были допущены (с некоторыми ограничениями) к участию в рамочных программах Евросоюза, предусматривающих поддержку инициативных исследовательских проектов, а Болонский процесс с самого начала оказался открыт для участия в нем любых европейских и частично европейских стран[17].

Вместе с тем, для восточноевропейских стран участие в процессах европейской интеграции в сфере науки и образования имело особое значение, так как рассматривалось как часть подготовки к вступлению в ЕС.

Далее рассматриваются основные меры по развитию сфер науки и образования, предпринятые правительствами стран Восточной Европы

---

[16] Болонский процесс был в основном направлен на укрепление связи европейского высшего образования с общеевропейским рынком труда и усиление академической мобильности. Анализ Болонского процесса, его плюсов и минусов, представляет собой отдельную проблему, выходящую за рамки данного исследования.

[17] На данный момент участниками Болонского процесса, включая Россию, являются 47 стран, из которых только 27 являются членами ЕС.

в период 1990-х и начала 2000-х гг., которые затем помещены в контекст общеевропейских программ.

Румыния. На протяжении 1990-х гг. круг приоритетов политики румынского правительства в области науки и технологий претерпевал серьезные изменения. В течение 1990–1992 гг., из-за отсутствия спроса на прикладные исследования и недостатка государственного финансирования большинство исследовательских институтов стали превращаться в коммерческие компании. В этот период правительство уделяло относительно мало внимания сфере науки и образования: политические аспекты реформ в это время доминировали над экономическими и социальными аспектами.

В период 1992–1994 гг. вопросы научной и образовательной политики все же пришлось включить в число государственных приоритетов, в первую очередь под давлением научного сообщества и представителей промышленности. В конце 1992 г. в Румынии было создано Министерство исследований и технологий, был учрежден специальный фонд финансирования НИОКР, средства которого формировались из взносов государственных предприятий в размере 1 % от их оборота. В этот период научная политика Румынии находилась в стадии формирования, четких приоритетов еще не было, финансирование исследований было размазано по широкому кругу областей [21].

С середины десятилетия (1994–1995 гг.) предпринимались попытки изменения этой ситуации. Правительство опубликовало национальный план НИОКР «*Horizont 2000*», сконцентрированный на приоритетных направлениях исследований. Изначально за его реализацию было ответственно Министерство исследований и технологий, которое позже передало соответствующие полномочия Национальному агентству по исследованиям и инновациям. В 1999 г. был запущен ряд программ, призванных увеличить влияние НИОКР на экономику, интенсифицировать инновационные процессы, способствовать концентрированию ресурсов и человеческого капитала на приоритетных исследованиях, гармонизации законодательной и инфраструктурной системы Румынии с системами ЕС.

В начале 2000-х гг., с учетом приближающейся перспективы включения страны в ЕС, в национальной политике в области науки и технологий произошло смещение акцентов на исследования, имеющие реальный спрос в экономике. К этому времени национальный план НИОКР был реализован лишь частично, в первую очередь из-за недостатка финансирования. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. общий объем средств, выделяемых в стране на НИОКР, не превышал 0,5 % ВВП. Трудности с финансированием НИОКР сохранились в Румынии вплоть до настоящего времени; несмотря на некоторые позитивные тенденции, страна занимает одно из последних мест в Европе по расходам на эту сферу [22].

Словения. С момента обретения независимости в 1991 г. политика Словении в области науки и инноваций претерпела серьезные изменения, направленные на более широкое использование опыта развитых стран, а также следование рекомендациям ЕС. Это позволило властям

Словении провести поэтапные реформы, включавшие в себя меры по стимулированию инноваций, развитию предпринимательства, использованию более современных технологий.

Основы политики в области науки и образования были заложены в 1994 г., когда был опубликован документ, озаглавленный «Технологическая политика Республики Словения», давший старт ряду государственных программ в сфере науки и инноваций. В частности, «Программа поддержки технологического развития до 2000 г.» подразумевала ежегодное увеличение финансирования технологического развития на 10 % в период с 1995 по 2000 г. [21].

В «Технологической политике» планировалось вовлечение в развитие научной сферы многих государственных министерств и ведомств, однако на практике за осуществление всех программ оказалось ответственно Министерство науки и технологий. Еще одной, независимой инициативой, косвенно связанной с инновациями, стала принятая в 1997 г. Министерством экономики «Стратегия по стимулированию конкуренции в промышленности Словении». Однако результаты деятельности обоих министерств оказалась весьма ограничены из-за недостатка финансирования и координации.

После выборов 2000 г. новое правительство провело реорганизацию министерств, в результате которой Министерство науки и технологий оказалось разделено на два сегмента. Та часть Министерства, которая отвечала за науку, вошла в состав Министерства образования, тогда как отдел, занимавшийся технологиями, был интегрирован в Министерство экономики. Таким образом, все сотрудники и проекты, связанные с инновациями и технологиями, оказались в Министерстве экономики, которое теперь стало ключевой структурой, отвечающей за политику Словении в области НИОКР.

В 2000 г. Министерством экономики была принята «Программа мер по поддержке предпринимательства и конкуренции на 2000–2006 гг.», содержавшая меры по развитию национальной инновационной системы и по поддержке и технологической реструктуризации малых и средних предприятий. В 2002 г. был принят закон о создании Агентства научных исследований и Агентства развития и технологических исследований. Подразумевалось, что они должны стать ответственными за процесс непрерывного, профессионального и независимого отбора проектов и исследовательских программ, которые будут финансироваться из бюджета. Фактически производился поиск оптимального способа распределения задач и инструментов между правительственными ведомствами. При этом на сам процесс реформирования было затрачено чересчур много человеческих ресурсов в ущерб непосредственной деятельности по поддержке науки и технологий, тогда как финансирование непосредственно НИОКР нарастало слишком медленно и оставалось недостаточным. Тем не менее, по состоянию на 2010 г., общие расходы на НИОКР в Словении лишь немного отстают от среднего уровня по ЕС, достигая 1,8 % ВВП [22].

Болгария. После перехода от социалистической экономики к рыночной системе активность по осуществлению НИОКР в Болгарии замет-

но снизилась. Если в 1988 г. суммарный объем средств, расходуемых на эту сферу в стране, достигал 2,5 % от ВВП, то далее этот показатель неуклонно снижался, достигнув к концу 1990-х гг. 0,5 %.

Помимо этого, наблюдался существенный сдвиг в источниках финансирования НИОКР и областях исследований. В наибольшей степени это коснулось частных предприятий: объем средств, расходуемых ими на исследования и разработки, снизился к 1999 г. почти в 3 раза. Наибольший спад в финансировании НИОКР в Болгарии произошел в 1997 г., когда в стране обострились экономические проблемы, в частности произошел скачок уровня инфляции. Государственное финансирование науки в Болгарии также снижалось. В начале 1990-х гг. было закрыто большинство специальных фондов, занимающихся финансированием НИОКР, что привело к сворачиванию деятельности многих исследовательских институтов.

В период с начала 1990-х до середины 2000-х гг. общее число специалистов, задействованных в НИОКР в Болгарии, уменьшилось примерно в пять раз. Страна столкнулась с проблемой «утечки мозгов» – с 1992 г. число лиц с высшим образованием, эмигрировавших из Болгарии неуклонно увеличивалось. Во многом причиной этому послужило отсутствие четкой стратегии развития научно-технической сферы [23].

К середине 2000-х гг. выполнением НИОКР в Болгарии большей частью занималась Академия наук – университеты специализировались лишь на образовательной деятельности и практически не вели самостоятельных исследований. Важную роль в финансировании НИОКР снова стали играть специальные фонды, предоставляющие средства на конкурсной основе. Крупнейшими из них являются Болгарский научный фонд и Болгарский технологический фонд. До 1999 г. они находились в составе Национального совета научных исследований при правительстве страны, однако позже приобрели статус самостоятельных административных единиц. До 1995 г. большая часть выделяемых этими фондами средств шла в институты Академии наук. В конце 1990-х гг. правительством предпринимались попытки стимулирования исследований в вузах, однако они не дали существенных результатов [24].

Чехия. После «бархатной революции» 1989 г. в Чехословакии был взят курс на строительство рыночной экономики и демократической политической системы. В научно-технической сфере в 1991–1992 гг. был предпринят ряд реформ, полностью вступивших в силу в Чехии в 1993 г. после ее отделения от Словакии.

Хотя в обществе было широко распространено убеждение в том, что новая система управления наукой должна строиться на принципах свободы субъектов научного процесса, институциональной автономии и конкуренции, ни в самой научной среде, ни в правительстве не было консенсуса относительно способа ее трансформации. Основной выбор стоял между реформированием всей научной системы страны «сверху» и реорганизацией ее «снизу» силами самих занимающихся НИОКР предприятий на основе упомянутых выше принципов. Постепенно большинство участников процесса все же склонились ко второму варианту,

в результате чего трансформация чешской научно-технической системы не имела централизованного управления.

Тем не менее, к 1994 г. были приняты основные законодательный акты, задающие рамки реформы в данной сфере. Среди них можно выделить Акт об Академии наук, Акт о правительственной поддержке научно-технических исследований и Акт о высшем образовании. Они упраздняли систему центрального планирования и управления наукой, а также гарантировали невмешательство государства в деятельность исследовательских организаций. Также было упразднено специальное ведомство, отвечающее за научно-техническую сферу, и ответственность за эту сферу была возложена на Министерство образования, молодежи и спорта. В ходе осуществлявшейся в этот период масштабной приватизации практически все учреждения, занимающиеся научными разработками для промышленности, были переведены в частный сектор.

В 1994 г. в Чехии было учреждено Агентство по грантам, финансирующее исследования на конкурсной основе. Также при правительстве страны был создан Научно-технический совет. Одной из главных его задач стало обеспечение координации между национальными исследовательскими учреждениями. При этом серьезных попыток трансформирования институциональной структуры науки практически не предпринималось. Предполагалось, что в условиях борьбы за сократившееся финансирование исследовательские учреждения сами проведут у себя необходимые реформы, однако этого не произошло.

Чешские реформы начала 1990-х гг. проводились на фоне резкого сокращения финансирования научно-технической сферы и существенного подрыва ее кадрового потенциала. С 1996 г. новое правительство, пришедшее к власти после парламентских выборов, стало проводить более умеренную политику, пытаясь заложить основы устойчивого развития научно-технической и образовательной сфер. Была признана необходимость поддержки образования и науки, начата реструктуризация промышленности. Главные приоритеты государства были декларированы в следующих документах: «Основные принципы правительства в сфере НИОКР» (1997 г.), «Научная стратегия на XXI век» и «Решение о разработке национальной стратегии НИОКР» (1998 г.), «Национальная стратегия НИОКР Чешской Республики» (2000 г). Изменения политики в научно-технической сфере привело к серьезному увеличению государственного финансирования, достигшего в 2001 г. 0,7 % от ВВП[18].

Словакия. Условия трансформации научно-технической сферы для Словакии были во многом аналогичны чешским. Однако, в отличии от Чехии, в Словакии четкой программы реформ принято не было. В 1991 г. был учрежден Совет по науке и технологиям, который должен был консультировать правительство относительно выработки стратегии в сфере науки. В его состав вошли представители Словацкой академии наук, университетов и исследовательских институтов. Однако Совет об-

[18] Более подробно о ходе реформ в чешской научной и образовательной системе см. [25].

наружил свою полную неэффективность и после осуществления ряда преобразований в 1995 г. был расформирован. Позднее, в 1999 г., он был частично восстановлен. Еще одним важным изменением в научно-технической сфере Словакии стало создание в 1991 г. Агентства по научным грантам, занимавшегося финансированием фундаментальных исследований, и Агентства по технологическим грантам, финансировавшего прикладные разработки.

В 1995 г. ответственность за развитие научно-технической сферы Словакии была переложена с Министерства образования и науки на специальное Агентство по стратегии развития общества, науки и технологий. Однако к 1999 г. оно было расформировано и функции Министерства образования и науки были восстановлены. Таким образом, можно констатировать, что реформы научно-технической сферы Словакии носили крайне непоследовательный характер. Трансформация словацкой науки характеризовалась неконтролируемой деградацией научно-технических учреждений. Большое влияние при этом оказывали сокращение финансирования и общий экономический упадок страны.

Институциональная структура словацкой науки не претерпела серьезных изменений. Не удалось реформировать Академию наук – национальные университеты оказались неспособны интегрировать в себя институты Академии, сказалось также активное сопротивление академических ученых ослаблению влияния своей организации. В университетах наблюдалась значительная диспропорция между сотрудниками, занятыми научными исследованиями, и сотрудниками, занятыми преподавательской деятельностью, с большим перевесом в пользу последних.

Как и в случае с другими странами с переходной экономикой, важным этапом для Словакии стала приватизация исследовательских институтов, начавшаяся в 1992 г. Она привела к серьезным изменениям в их структуре и функционировании. Деятельность приватизированных организаций оказалась сконцентрированной в основном на прикладных разработках. Активно использовался западный опыт создания «научных парков» – такие структуры появились в Братиславе, Пьештянах и Кошице.

В целом реформы словацкой науки, происходившие в 1990-х и начале 2000-х гг., были мало удачны. Серьезное сокращение промышленных разработок привело к нежелательному секторальному сдвигу в прикладной науке. Тем не менее по ходу процедуры принятия страны в ЕС научно-техническая база Словакии была признана полностью удовлетворяющей условиям вступления [25, с. 231–232].

Венгрия. Стабильность венгерской системы НИОКР в условиях перехода к рыночной экономике во многом была обусловлена тем, что многие предпосылки к реформированию научно-технической сферы (прежде всего экономические) сформировались еще в конце 1980-х гг. Как следствие, в процессе реструктуризации системы на всем протяжении 1990-х гг. наблюдалась значительная степень преемственности, в первую очередь – в финансово-организационном плане [25, с. 236].

В связи с тем, что на ранних этапах перехода к рыночной экономике руководство страны уделяло мало внимания проблемам науки, в 1993 г.

научное сообщество само инициировало разработку принципов научной политики. Все участники системы НИОКР активно занимались разработкой предложений по ее совершенствованию, нередко успешно продвигая их в парламенте страны.

Главной проблемой венгерской науки в 1990-е гг. стал провал попытки формирования системы государственной поддержки НИОКР – в значительной степени из-за медленных темпов реструктуризации научно-технической отрасли и образования. Отмеченная выше преемственность, с одной стороны, несколько сгладила процесс демонтажа плановой экономической системы в конце 1980-х гг., а с другой – мешала интенсивному развитию новых моделей организации науки и образования во второй половине 1990-х. Эта реформаторская стагнация привела к тому, что многие исследователи были вынуждены оставить свою работу [25, с. 248–249]. Впрочем, затем многие из них быстро вернулись, так как в венгерскую сферу исследований в конце 1990-х и начале 2000-х стали поступать иностранные инвестиции. Исследователи, поступившие в иностранные компании, приняло активное участие в процессах передачи технологий [25].

В период плановой экономики академическая наука Венгрии управлялась директивно Советом министров и научной комиссией Венгерской социалистической рабочей партии. Парламент из этой системы был полностью исключен. В процессе трансформации экономики ответственность за контроль над исследованиями была разделена между правительством и парламентом. С тех пор раз в два года президент Академии наук докладывает в парламенте о состоянии венгерской науки. По итогам последующих дебатов парламент формирует предложения правительству по мерам, необходимым для стимулирования и поддержки научной активности в стране [25, с. 237]. Собственно государственное финансирование науки в Венгрии идет в двух основных формах: через институциональное финансирование напрямую из бюджета и на основе грантов, предоставляемых через различные конкурсы государственными фондами.

Польша. Для Польши была характерна реструктуризация научно-технической сферы без ее радикальной трансформации. Вскоре после распада советского блока в конце 1980-х гг. среди правящих кругов страны сформировался консенсус по поводу стратегии дальнейшего развития науки. В 1990–1991 гг. парламентом был принят ряд законов, полностью заменяющих акты, регулировавшие до этого научно-образовательную деятельность в Польше. Был создан Комитет по научным исследованиям, объединивший в себе функции правительственного агентства (его председателем являлся член правительства) и национального совета, представляющего научное сообщество страны (большинство членов Комитета избирались путем голосования всеми гражданами страны, имеющими научную степень). Комитет стал ответственным за формулирование национальной стратегии развития науки и финансирование этой сферы [25, с. 185–187].

Таким образом уже в 1991 г. в Польше были созданы благоприятные условия для органичного встраивания науки в модель рыночной эконо-

мики и демократического управления. Благодаря этому спад исследовательской активности в 1990-е гг. в Польше оказался значительно менее заметным, чем в других странах с переходной экономикой.

Тем не менее, несмотря на значительный исследовательский потенциал, на сегодняшний день польские ученые вносят лишь небольшой вклад в увеличение конкурентоспособности промышленности страны; система НИОКР в Польше по-прежнему разделена на три основных сектора, сохранившихся с коммунистических времен, и степень кооперации между ними довольно низка [25, с. 189–195].

Подводя итог обзору состоянию научно-технической и образовательной сфер в странах Восточной Европы, можно сделать ряд выводов о характере проводимых реформ и их особенностях. Если по ходу анализа первого этапа транзита отмечалась неоднородность восточноевропейских стран, а также различия в темпах их модернизации – как экономической, так и политической – то при рассмотрении второго этапа наблюдается выбор государствами Восточной Европы во многом сходных механизмов развития научной и технологической областей после демонтажа социалистической системы.

Во-первых, все рассматриваемые страны стремились как можно быстрее ввести новые правовые нормы в области образования и научно-технического развития. Это стремление связано с наиболее общей для всех представленных государств проблемой, возникшей после распада плановой экономики: почти полным устранением правительственной поддержки научно-технической и образовательной сфер. Чтобы минимизировать издержки перехода к рыночной модели, правительства стран Восточной Европы должны были как можно быстрее определиться с приоритетами в науке и образовании, а также принять меры по сохранению их кадрового потенциала.

Во-вторых, все рассматриваемые страны имели общий (и весьма влиятельный) внешнеполитический ориентир для развития научно-технической сферы и образования. Этим ориентиром был Европейский Союз, который, с одной стороны, способствовал процессам транзита в Восточной Европе через специальные институты-посредники, и с другой – прямо заявил о желании включить новые демократические страны в состав общеевропейской политической системы. В соответствии с этим решением, непосредственные интересы ЕС в Восточной Европе включали в себя не только преодоление экономического и политического наследия прежнего социалистического режима, но и создание эффективной рыночной системы, а также развитого научно-образовательного комплекса, способного к тесному взаимодействию с рыночными институтами.

В-третьих, при всей общности проблем, стоявших перед восточноевропейскими государствами, равно как и при сходстве предпринятых реформ, темпы преобразований в разных странах порой заметно различались,– прежде всего по экономическим причинам. Отставание в этих темпах вело к затягиванию процесса вступления в ЕС, там, где не просматривалась позитивная экономическая динамика, не было прочного

политического единства (в том числе по проблемам науки и образования). Это порождало определенные препятствия на пути присоединения к Европейскому Союзу, как это было характерно для Болгарии, Словакии и Румынии. В тех же странах, где процесс транзита развивался более стабильно и не встречал серьезного политического сопротивления, предпосылки к вхождению в общеевропейское пространство возникали намного раньше, примерами чему могут служить Чехия, Венгрия, Словения и Польша.

Этап третий: интеграция в рамках Европейского Союза

После вхождения стран Восточной Европы в Европейский Союз перед ними возникла задача встраивания в общеевропейскую институциональную систему. Этот третий этап транзита восточноевропейских стран означал определенное подчинение национальных модернизационных процессов целям общеевропейской интеграции. Если в первый период основной целью государств Восточной Европы было преодоление последствий плановой экономики и создание предпосылок для дальнейших реформ, а во втором периоде восточноевропейские страны были сосредоточены на достижении соответствия экономическим и политическим требованиям, позволяющим им войти в состав ЕС, то в ходе третьего периода, начавшегося в середине-второй половине 2000-х гг., приоритетом для стран Восточной Европы стала интеграция, в том числе в складывающиеся в рамках Европейского Союза системы образовательных и научно-технологических институтов. Эта третья стадия еще не завершена и представляет собой качественно иной процесс, нежели ликвидация социалистической модели или реформирование политической системы. Процессы общеевропейской интеграции, строго говоря, не имеют завершения, поскольку представляет собой процессы интеграционного развития не только отдельных стран, но и Европейского Союза в целом. На третьем этапе собственно транзит сменяется процессами, направленными на поддержание и развитие сети наднациональных связей, охватывающих весь Европейский Союз и даже соседние с ним страны.

В таком изменившемся контексте особая роль принадлежит не столько национальным программам реформирования, сколько общеевропейским инициативам, призванным развивать те или иные аспекты экономики, социальной сферы, а иногда имеющим и политический контекст. Здесь уместно выделить несколько наиболее важных долгосрочных проектов, связанных с образованием и наукой и в значительной степени задающих ориентиры для действий национальных правительств. Эти инициативы были провозглашены в 2000-е гг., когда ЕС вступил в очередной новый этап интеграционных процессов, затронувший сферы образования, науки и технологий.

Первая из предлагаемых к рассмотрению инициатив – Рабочая Программа по Образованию и Тренингам (*Education and Training Work Pro-*

gramme), начатая в 2001 г. и рассчитанная на период до 2010 г., была принята еще в начале 2000 г. одновременно с так называемой «Лиссабонской Стратегией», поставившей в качестве главной цели выход к 2010 г. европейской сферы исследований и разработок на передовые позиции в мире[19]. В числе задач, сформулированных в Рабочей Программе, были: повышение качества образования в странах ЕС, повышение академической и рабочей мобильности в пределах ЕС, а также формирование научных и образовательных связей с пограничными регионами ЕС – эти приоритеты имели особое значение для восточноевропейских стран, которым предстояло выйти на более высокие темпы реформ в науке и образовании. Рабочая Программа по Образованию и Тренингам действовала до 2010 г., когда ее сменил новый проект – Стратегические рамки для европейской кооперации в образовании и тренинге (*Strategic framework for European cooperation in education and training*), рассчитанный до 2020 г. Он ориентирован на те же самые цели, однако включает в себя дальнейшие меры по достижению максимально свободного перемещения рабочих, студентов и преподавателей и ликвидацию барьеров на пути развития общеевропейского образования [27].

Второй из долгосрочных европейских проектов – инициатива под названием Кооперация в Науке и Технологиях (*European Cooperation In Science & Technology* – COST), которая представляет собой специфический институт, играющий важную роль в передаче технологий от одних европейских стран к другим. Этот проект был частью Лиссабонской Стратегии, однако в течение 2000-х гг. его приоритеты вышли за первоначальные пределы и включили в себя не только построение общеевропейской зоны исследований (*European Research Area*), но и поддержание связей между научными сообществами как в государствах ЕС, так и в соседних с ними странах [28, 45–47]. По состоянию на 2010 г. участниками проекта были 36 стран, расположенных либо в Европе, либо по соседству с европейскими странами; кроме того, члены программы подписали специальные соглашения о кооперации с Австралией, Новой Зеландией, ЮАР и Аргентиной. COST представляет собой межправительственную организацию (управляется регулярно проводимыми Министерскими Конференциями, на которых представлены все страны-участники проекта), которая осуществляет исследования и разработки в целом ряде ключевых направлений [29].

Третий, наиболее важный для членов ЕС долгосрочный проект в области образования, науки и технологий – Рамочные Программы по Исследованиям и Технологическому Развитию (*Framework Programmes for Research and Technological Development*), охватывающие широкий спектр направлений, лежащих в экономической и социальной плоскостях. Первые рамочные программы были запущены еще в середине 1980-х гг., представляя собой важный инструмент наднациональной координации. Каждая из Программ действует в течение определенного количества лет (ныне действующая 7-ая Рамочная Программа рассчи-

[19] Обзор направлений общеевропейской политики по реализации Лиссабонской стратегии в контексте проблем построения экономики знаний см. в [26].

тана на период в 7 лет, до 2013 г.), в пределах которых осуществляются те или иные научно-исследовательские проекты, в том числе крупные проекты, выполняемые межнациональными консорциумами. Все инициативы 7-ой Программы подразделяются на четыре магистральных направления: «Кооперация» (улучшение взаимодействия ученых и студентов в рамках ЕС), «Идеи» (инициативные исследовательские проекты, содержащие инновационные идеи), «Ресурсы» (развитие научной инфраструктуры, финансирование инновационных малых и средних предприятий) и «Кадры» (поддержка научной и академической мобильности в рамках ЕС). Наиболее значимой с финансовой точки зрения является первое направление: на его реализацию выделяется более 60 % всего заложенного в Программе бюджета [30, с. 4].

Каждая из этих инициатив представляет собой инструменты вовлечения национальной образовательной и научно-технической сферы в общеевропейское пространство, где осуществляется свободное перемещение не только капиталов, товаров и услуг, но также людей и технологий. Восточная Европа в рамках подобных проектов представляет собой регион, где потребность в интеграции имеет не столько политическое, сколько социально-экономическое значение. Выполнение коллективами стран Восточной Европы совместных проектов с исследователями из более развитых западноевропейских стран открывает странам Восточной Европы возможность использования уже в национальном масштабе новых технологий и способствует дальнейшей модернизации экономики и выравниванию уровней жизни. При всех различиях в уровне экономического развития и уровне развития научно-технологической сферы, рассматриваемые страны Восточной Европы оказываются вовлечены в общее продвижение к «экономике знаний», характерной для общества, в котором основным источником дохода являются инновации и высокотехнологичное производство.

Некоторые итоговые соображения

В завершение предлагаемого выше обзора модернизационных процессов в странах Восточной Европы можно сделать ряд выводов относительно их специфических и общих черт. Но перед этим полезно напомнить, что модернизация в данном случае понимается как проблема транзита – движения от одного типа социальной, политической и экономической системы к другой, более современной и эффективной. Следует еще заметить, что предлагаемая ниже система оценок восточноевропейского транзита в значительной степени основана на трехэтапной модели, предложенной в начале 1990-х гг. рядом специалистов по политической теории[20].

[20] В настоящей статье использована теоретическая модель транзита, основанная на работах А. Пшеворского [31] и Ч. Тили [32], которые выделяли три стадии в процессе перехода от авторитаризма к демократии: *распад* авторитарного режи-

Первый общесистемный вывод, который можно сделать из рассмотрения опыта стран Восточной Европы, заключается в том, что *базовые предпосылки, способствовавшие демократизации* (и последующим модернизационным процессам в экономике), *носили прежде всего* (если не исключительно) *политический характер*. Практически все (за исключением Словении) рассматриваемые в настоящей статье страны Восточной Европы находились в сильной зависимости от внешнеполитического давления со стороны Советского Союза, от которого удалось освободиться только после распада социалистического лагеря.

Кроме того, решения, принимаемые лидерами восточноевропейских стран в критически важный период 1989–1991 гг., в намного большей степени определялись политическими, нежели экономическими обстоятельствами. На первом этапе транзита, как было замечено выше, политика превалировала над экономикой: основной задачей для всех рассматриваемых стран была ликвидация авторитарной политической модели и создание работоспособных демократических институтов[21].

Второй общесистемный вывод состоит в том, что *предпосылки (и сами процессы) модернизации* в рассматриваемых странах *оформлялись под сильным влиянием примера развитых западноевропейских стран, к тому же охваченных интеграционными процессами.* В конце концов основным центром притяжения стал расположенный по соседству наднациональный по характеру Европейский Союз, экономический потенциал и политическая притягательность которого были желанным ориентиром для стран, находящихся в переходном состоянии после распада социалистического лагеря. При этом важно заметить, что Европейский Союз не оказывал на страны Восточной Европы какого-либо силового давления, а был скорее фактором «мягкой силы»[22]. Сама неоднократно продекларированная готовность Европейского Союза рассматривать восточноевропейские страны в качестве потенциальных членов наднационального сообщества оказывала на эти государства преобразующее воздействие.

ма (1), *создание основ* для демократической системы (2) и *консолидация* демократических институтов (3). Причем Пшеворский специально исследовал восточноевропейский опыт.

[21] Здесь вновь стоит вновь обратить внимание на два «тяжелых случая»: Болгарию и Румынию, где (в отличие от остальных демократизирующихся государств) отсутствие широкого консенсуса по демократизации вылилось в необычно медленный процесс демонтажа социалистической системы, сопровождаемый не только гражданскими беспорядками (что отличает румынский вариант), но и частыми политическими кризисами в парламенте (что более характерно для болгарского случая). Тем не менее, эти страны также, хотя и более медленными темпами, двигались по дороге, проложенной их более «быстрыми» соседями.

[22] Термин «мягкая сила», введенный Д. Наем, означает преимущественно непрямое воздействие государства на его внешнеполитическое окружение. Это воздействие соединяет в себе культурные, экономические, гуманитарные и собственно политические средства. О разграничении понятий «мягкой» и «жесткой» силы см. [33].

Эта готовность подкреплялась различными видами практической помощи, для оказания которой ЕС создал целый ряд посреднических организаций в целях содействия национальным правительствам восточноевропейских стран в модернизации их экономики, развитию политической системы и преодолению наследия командно-административной модели. Надо сказать, что и сами страны Восточной Европы были готовы к передаче части своего суверенитета наднациональным органам, поскольку такое решение открывало перед ними общеевропейский рынок, способствовало реформированию их научно-технической отрасли и выводу их национальных систем науки и образования на новые ступени развития.

Третий, достаточно важный вывод из анализа восточноевропейского опыта, заключается в том, что различные формы кооперации со странами Европейского Союза способствовали не только экономической стабилизации, но и консолидации демократических систем. Ни в одной из рассматриваемых стран не произошло отката от демократической модели, несмотря на периодически возникающие (и довольно острые, особенно в болгарском и румынском случаях) политические кризисы[23].

И последний, более частный, нежели общесистемный, вывод, касающийся опыта стран Восточной Европы, состоит в том, что расширение Европейского Союза на восток, имевшее место в 2004–2007 гг., привело к образованию «разноскоростной Европы», в которой интеграционный процесс стал более фрагментированным, по разному проявляющим себя в разных странах. Одним из способов ослабления такой фрагментации стало развитие сети наднациональных институтов, призванных наладить более тесные отношения между «старыми» и «новыми» членами ЕС и тем самым гармонизировать разные скорости общеевропейской интеграции.

Последний вывод дает основания считать, что после своего вхождения в состав ЕС, страны Восточной Европы стоит рассматривать не в контексте транзита, а уже в новых, более широких и сложных рамках – как часть взаимопроникающей системы европейских организаций. Модернизация стран Восточной Европы приобретает качественно новые формы, заслуживающие специального исследования.

[23] В этой связи любопытно сравнить восточноевропейский опыт с турецким. Даже при самом кратком сопоставлении становится понятно, почему такой ключевой роли внешнего фактора не наблюдалось в случае Турции, где на протяжении нескольких последних десятилетий (с 1980-х по 2000-е гг.) сохранялось сильное влияние армии в политической сфере, а также имели достаточно высокую популярность партии, использующие апелляции к исламу. Это сильное влияние ислама в политике и роль армии как внеконституционного механизма управления страной, наряду с проблемами в области прав человека, являются одними из наиболее важных причин того, что Турция остается за бортом европейской интеграции, несмотря на ее формальный статус кандидата в члены ЕС, который она имеет с 1999 г. Страны же бывшего социалистического лагеря прошли путь от кандидатов до полноправных членов ЕС примерно за 10 лет.

Литература

1. *Ослунд А.* Строительство капитализма: рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М.: Логос, 2003.
2. *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация: В 2 кн. М.: АСТ: Terra Fantastica, 2004.
3. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
4. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
5. *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М.: ИД «Территория будущего», 2010.
6. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1967.
7. *Rostow, W. W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. London: Cambridge University Press, 1960.
8. *Горбачев М. С*. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987.
9. *Major I.* Privatization in Hungary and its Aftermath // International Handbook On Privatization / Ed. by D. Parker, D. S. Saal. Edward Elgar Publishing, 2003.
10. *Paal S. H.* Slovak Nationalism and the Break-Up of Czechoslovakia // Europe-Asia Studies. № 51 (4). 1999.
11. *Dervis K.* Slovakia: Restructuring For Recovery. International Bank For Reconstruction And Development, 1994.
12. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен // Под ред. А. А. Языковой. М.: Институт Европы, 2007.
13. *Giatzidis E.* An Introduction to Post-Communist Bulgaria. Glasgow: Manchester University Press, 2002.
14. *Scarlat C.* Aspects Of Romanian Transition // Managing The Process Of Globalisation in New And Upcoming EU Members. Proceedings of the 6th International Conference of the Faculty of Management – Koper Congress Centre Bernardin, Slovenia, 24–26 November 2005.
15. *Constantin D. L., Goschin Z., Danciu A. R.* The Romanian Economy from Transition to Crisis. Retrospects and Prospects // World Journal of Social Sciences. Vol. 1. № 3. July 2011.
16. *Day A. J., East R., Thomas R.* Liberal Democracy of Slovenia // A political and economic dictionary of Eastern Europe. Taylor & Francis E–Library, 2002.
17. OECD Economic Surveys // Slovenia Overview. February 2011.
18. Presidency Conclusions, Copenhagen European Council, 21–22 June 1993, параграф 7, раздел A, а также приложение 2 (Cooperation with the associated countries geared to the objective of membership), разделы I–IV.
19. *Egorov I., Carayannis E. G.* Transforming The Post-Soviet Research Systems Through Incubating Technological Entrepreneurship // Journal Of Technology Transfer. Vol. 24. Issue 2/3 (August 1999).

20. *Grabbe H.* The EU's Transformative Power. Europeanization Through Conditionality in Central and Eastern Europe. New York: Palgrave MacMillan, 2006.
21. *Kobal E., Radosevic S.* Modernisation of Science Policy and Management Approaches in Central and South East Europe. Ljubliana, 2005.
22. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2010.
23. *Chobanova R.* Challenges to the Indicators on Science, Technology and Innovation Development // Indicators on Science, Technology and Innovation History and New Perspectives. Lugano, 2006.
24. Bulgaria: science, research and technology, OECD, 2004.
25. From system transformation to European integration: science and technology in Central And Eastern Europe At The Beginning Of 21st Century / Ed. by W. Meske. Munster: LIT Verlag, 2004.
26. *Rodrigues M. J*. European Policies for a Knowledge Economy. Edward Elgar Publishing Limited, 2003.
27. Council conclusions of 12 May 2009 on a strategic framework for European cooperation in education and training ('ET 2020') // Official Journal Of European Union. 28.05.2009.
28. European Science And Technology Policy. Towards Integration or Fragmentation? / Ed. by H. Delanghe, U. Muldur, L. Soete. Edward Elgar Publishing Limited, 2007.
29. FP7 Mid-Term Evaluation of COST – Report by an Expert Panel, 2010.
30. FP7 – tomorrow's answers start today. Official EU FP7 Factsheet. European Communities, 2006.
31. *Пшеворский А*. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
32. *Тилли Ч.* Демократия. М.: Институт общественного проектирования, 2008.
33. *Най Д.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.